

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

Какъ и когда писался „Панъ Тадеушъ“.

Мицкевичъ, унеся свою Литву съ собою за границу, былъ ей, можно сказать, постоянно боленъ: куда бы ни отправлялся, что бы ни дѣлалъ онъ—образы Литвы вездѣ его преслѣдовали неотступно; какъ поэтъ, онъ стремился ихъ воплотить, написать что-нибудь такое, что было бы насквозь пропитано Литвою и вѣстѣ стояло бы Литвы: было бы также, по возможности, роскошно и благоуханно, какъ снѣжшися ему и недававшіе нигдѣ покою ея лѣса и пажити, какъ Бѣлѣжская пуца, какъ злачные берега Нѣмана.

Очень скоро, послѣ бурныхъ дней революціи 1830—31 г., едва волны польской эмиграціи осѣли на разныхъ удобныхъ для нихъ пунктахъ Европы, отхлынувъ отъ отечества,—стали строиться въ душѣ поэта планъ „Сельской поэмы“, въ родѣ Германа и Доротеи,—поэмы, которой дѣйствіе происходитъ въ Литвѣ. Планъ этотъ принялъ болѣе опредѣленныя формы, когда поэтъ очутился въ деревнѣ одного стараго пріятеля, въ княжествѣ Познанскомъ. Тамъ вырвалось у него изъ самаго сердца это несравненное по простотѣ начало:

Litwo, ojszyzno moja, ty jesteś jak zdrowie;
Nie cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię straci!...¹⁾

Описаніемъ „пшякетскаго фольварка на Литвѣ“ заключился первый „познанскій“ отрывокъ.

Затѣмъ, осенью 1832 г., поэтъ перебрался на житье въ Парижъ.

¹⁾ По-русски это вышло такъ:

Отчизна милая, подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя....

Печатаніе „Дзядовъ“, „Книгъ Скитальчества“ и сочиненій Стефана Гарчинскаго занимало почти все время Мицкевича въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду. Новой, только что начатой поэмѣ онъ удѣлялъ очень немного минутъ. Поэта окружали тогда слѣдующія лица: Антоній Горецкій, Богданъ Залѣсскій, Игнатій Домейко, Богданъ Янскій, Стефанъ Зань; потомъ къ нимъ присоединились: Стефанъ Витвицкій и Іосифъ Залѣсскій, братъ Богдана. Все это были люди болѣе или менѣе литературные. Витвицкій писалъ недурные стихи, а Богданъ Залѣсскій былъ даже извѣстный поэтъ. Разговоръ ихъ преимущественно вертѣлся около литературы, но часто зацѣплялись, какъ бы нечаянно, модные, революціонные вопросы тѣхъ дней и порождали праздные споры и толки. Мицкевичъ жалуется на это въ письмахъ къ друзьямъ.

Вскорѣ потомъ этотъ небольшой кружокъ близкихъ и, такъ-сказать, родственныхъ Мицкевичу по ремеслу людей, значительно увеличился наплывомъ всякаго народа изъ разныхъ польскихъ и французскихъ политическихъ партій и революціонныхъ комитетовъ, которые творились тогда въ Парижѣ поминутно, смѣняясь одинъ другимъ, одинъ другому подставляя ногу. Скромныя стѣны жилища Мицкевича увидѣли генераловъ: Дембинскаго, Мисъ-Мицельскаго, Владислава Замойскаго, музыканта Шопена, скульптора Давида; членовъ Лелевелевскаго комитета: Леонарда Ходзьку, К. Е. Водзинскаго; потомъ людей разныхъ партій: Ворцеля, Шарля Монталамбера, Шеміота, братьевъ Собанскихъ, Реттеля, Цезаря Платера, Вротновскаго, Вейсендорфа, Колыско и множество другихъ, для кого разговоръ о поэзи, о литературѣ былъ дѣломъ далеко не первостепеннымъ, даже вовсе ненужнымъ. Имъ бы лишь поговорить пошумнѣе и позадорнѣе о Польшѣ, о ея несчастіяхъ, о революціяхъ вообще и о польскихъ въ особенности.

Мицкевичъ никогда не раздѣлялъ революціонныхъ фантазій своихъ соотчичей, не вѣрилъ ни въ силы Польши, чтобы она могла достойно бороться съ врагами, ни въ покровительство европейскихъ державъ. Въ поэмѣ „Пань Тадеушъ“ онъ высказываетъ кое-какія свои мысли объ этомъ устами Матвѣя Кролика... Но въ бесѣдахъ съ соотечественниками Мицкевичъ былъ полякомъ, какъ всѣ поляки: шумѣлъ, ораторствовалъ, пускалъ въ ходъ всякіе софизмы... Такъ онъ велъ себя до поры до времени и съ главной массой своихъ гостей, отъ которыхъ несло скорѣе табакомъ и порохомъ, чѣмъ эниміамомъ Апполонова храма. Онъ сыпалъ имъ цвѣтистыя фразы, исполненныя блеску и живости, удивлялъ ихъ оригинальностью и новизною оборотовъ. Говорилъ онъ вообще, особенно въ минуты вдохновенія, увле-

кательно. Бывали, впрочемъ, случаи, когда поэтъ остерегалъ черезчуръ горячихъ и неугомонныхъ, завязывались неприятные для него споры...

Такъ текли дни за днями, а новая поэма не подвигалась, или подвигалась очень медленно. Мицкевичъ самъ говорилъ ближайшимъ друзьямъ, что „все это, эти сходки, занятія и равные хлопоты дупшать его милого „Тадеуша“ въ пеленкахъ“.

Судьба сжалилась надъ новорожденнымъ. Французы затѣяли вѣгствѣ съ поляками *сoup-d'état*. Маршалъ Кловель, перемолвясъ съ генераломъ Дверницкимъ и другими вліятельными поляками, сталъ въ главѣ національной гвардіи и предмѣстствѣ. Подъ огнями короля гремѣла день и ночь Марсельеза. Дверницкій и многіе другіе поляки выспихъ чиновъ разгуливали по Тюльерійскому саду въ польскихъ мундирахъ, съ саблями у боку. До вспышки было недалеко. Правительство, однако, нашло способы устранить ее, войдя въ соглашеніе со своими, а любезныхъ гостей, кто нарушилъ законы, обязательные для скитальцевъ, принятыхъ подъ чужой кровъ, французская полиція попросила выѣхать. Этого требовала, сверхъ того, и политика: отношенія Франціи къ Россіи и другимъ державамъ. По Царству Польскому бродили воззванія: „Къ русскому народу, къ польскимъ воинамъ, къ евреямъ“, подписанное членами Делевелевскаго комитета. Бродили воззванія того же комитета по Австріи и Пруссіи.¹⁾ Вѣдъ проповѣдовались революціи и революціи — и поляки являлись тутъ первыми зажигателями. Всѣмъ правительствамъ было извѣстно о замыслахъ Заливскаго поднять походъ противъ Россіи, а если онъ удастся, то и противъ другихъ.²⁾

Многіе изъ восѣпчавшихъ Мицкевича должны были выбраться изъ Парижа. Другіе, оставшіеся кое-какъ, всѣми неправдами, въ его стѣнахъ, казались крайне раздраженными, говорили Богъ-знаетъ что. Дверъ поэта затворилась для всѣхъ, кромѣ избраннаго кружка, состоявшаго преимущественно изъ писателей и артистовъ. Имъ позволялось посѣщать пріятеля когда угодно. Они входили и выходили, не обращая вниманія на хозяина, который дѣлалъ свое дѣло: обѣдалъ, писалъ, обдумывалъ что-нибудь — тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостей, въ другомъ углу квартиры. Зброшенный „Тадеушъ“ былъ призванъ къ жизни. Работа пошла ходко. „Книги Скитальчества“ приостановились. Изданіе сочиненій Гарчинскаго близилось къ

¹⁾ «Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», Москва. 1873, стр. 14—19.

²⁾ Тамъ же, стр. 16—24 и дажѣ.

концу. 8-го декабря н. ст. 1832 г. Мицкевичъ пишетъ къ старому своему другу, Одыцу: „Принялся писать сельскую поэму, въ родѣ Германа и Доротеи... и уже накропалъ (укропѣш) тысячу стиховъ“.

Настроение поэта и кружка, который его посѣщалъ, приняло (вслѣдствіе душевной атмосферы, окружавшей поляковъ въ Парижѣ) религиозный характеръ. У Мицкевича устроились вечернія собранія для пѣнія молитвъ. Антоній Горецкій, какъ старшій лѣтами, обыкновенно начиналъ пѣть какую-нибудь молитву, а другіе присоединяли потомъ свои голоса. Поэтъ постоянно твердилъ друзьямъ, что „надо бросить пока учрежденіе всякихъ комитетовъ, а стараться всѣми силами передѣлать себя къ лучшему, пробудить въ развитыхъ и разстроенныхъ сердцахъ уснувшую вѣру, надежду и любовь“. Не безъ того, чтобы иногда подобныя бесѣды не принимали мистическаго направленія. Мицкевичъ, всегда склонный къ мистицизму, въ то время былъ уже пропитанъ имъ насъвозъ и сообщалъ друзьямъ кое-какія, якобы хорошо ему извѣстныя, подробности о жизни того міра, о іерархіи духовъ.

Случилось, что среди такихъ занятій то поэмой, то изданіемъ сочиненій Гарчинскаго, поэтъ продалъ всенду Александру Еловицкому, имѣвшему въ Парижѣ свою польскую типографію, переведеннаго имъ незадолго передъ тѣмъ въ Дрезденѣ Вайронова „Глура“. Условіе было подписано. Вдругъ рукопись куда-то пропала. Сколько ни искали, не могли найти нигдѣ. Нечего дѣлать: поэтъ сѣлъ снова за работу, за новый переводъ Глура — и кончилъ его въ мѣсяць, припомнивъ конечно, кое-что изъ стараго, но жаловался друзьямъ, что многія хорошія вещи безвозвратно пропали.

Это обстоятельство прервало занятія „Тадеушемъ“. Мицкевичъ воротился къ нему только передъ весною 1833 г., и въ короткое время написалъ вторую и третью пѣсни. Въ письмѣ къ Одыцу отъ 20-го апрѣля н. ст. 1833 г., поэтъ говоритъ: „опять воротился къ сельской поэмѣ, которая въ настоящее время составляетъ любимое мое дѣтище. Пишу — и мнѣ кажется, что я въ Литвѣ“.

Среди этихъ работъ поэтъ посѣщалъ довольно часто Люксембургскій садъ и тамъ бродилъ по аллеямъ, думая стихами „Тадеуша“. Домейко, состоявшій тогда чѣмъ-то въ школѣ французскихъ минеровъ, имѣлъ недалеко отъ Люксембургскаго сада уединенную квартиру, домикъ съ окнами на всѣ четыре стороны, какъ фонарь. Мицкевичъ напросился туда и тамъ писалъ. Но тѣснота помѣщенія и еще кое-какія обстоятельства видимо его стѣсняли... Поэтому Стефанъ Занъ приискалъ пріятелю другую квартиру, на улицѣ св. Николая Антенскаго (St. Nicolas d'Antin), двѣ или три довольно обширныя комнаты

Тутъ Мицкевичъ весь отдался „Тадеушу“. Писалъ по сто и полтора-ста стиховъ въ день, которые немедля прочитывалъ друзьямъ: Богдану Залѣсскому, Витвицеому и другимъ ближайшимъ. 23-го мая н. ст. поэтъ пишетъ къ Одынцу: „работаю довольно. Кроплю (kropię) мою поэму, которой четвертую пѣснь сегодня докончу. Живу въ Литвѣ, въ ея лѣсахъ, ворчмахъ, со шляхтой, съ жидами и проч. Рѣдко куда выхожу. Когда бы не эта поэма, бѣжалъ бы изъ Парижа“.

Въ самомъ дѣлѣ, тогдашній Парижъ, съ его безчисленными политическими кружками, съ вѣчными приготовлениями къ революціямъ съ кучками поляковъ, которые ходили какъ убитые, бросая изводлобья недовольные, свирѣпыя взгляды, производилъ на спокойнаго, мирнаго гражданина, полнаго съ утра до ночи стихами, навѣянными совсѣмъ не Парижемъ и не Франціей, непріятное, потрясающее впечатлѣніе. Изъ Польши между тѣмъ приходили самыя печальныя вѣсти о неудачномъ исходѣ экспедиціи Заливскаго, о погибели, и притомъ совершенно бессмысленной, нѣсколькихъ десятковъ людей съ большими дарованіями и энергіей, которая могла бы быть употреблена иначе, съ большимъ толкомъ и пользой для родины. Поляки Парижа, члены всякихъ комитетовъ служили панихиды.¹⁾ А на лицахъ французовъ читалось болѣею частію полнѣйшее равнодушіе къ дѣлу поляковъ, если только не презрѣніе. Тутъ, можетъ быть, или немного позже, при подобныхъ обстоятельствахъ и настроеніи, вырвались у Мицкевича слѣдующіе стихи, въ видѣ вступленія въ „Тадеушу“:

«O czym tu dumać na raryskim bruku,
Przynosząc z miasta uszy pełne stuku,
Przekleństw i kłamstwa, niewczesnych zamiarów,
Zapóźnych żalów, potępieńczych swarów?...
Biada nam, zbiegi, żeśmy w czas morowy
Łęklive nieśli za granicę głowy!...»

Такое состояніе духа и усиленныя занятія прозой жизни и разрѣшеніе трудныхъ задачъ, задаваемыхъ все болѣе и болѣе поэмой, истощили силы поэта. Онъ сталъ видимо увядать; страшно похудѣлъ; друзья поглядывали на него съ опасеніемъ, но... мѣшать его поэтическимъ работамъ у нихъ не хватало духу. Всѣ они съ гордостью думали тогда, что въ домикѣ, гдѣ жилъ Мицкевичъ, на улицѣ St. Nicolas d'Antin, творилась первая поэма славянскаго міра, а можетъ быть... и всего свѣта, которая, — кто знаетъ, — оставитъ, пожалуй, за собою все, что дотолѣ написано Гомерами разныхъ націй! Какъ же тутъ можно мѣшать писанію? Чья бы польская рука поднялась на это?...

¹⁾ См. вышеприведенное сочиненіе «О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 38—39.

Судьба прервала занятія поэта: изъ Дрездена пришло извѣстiе, что жившій тамъ другъ Мицкевича, Гарчинскій, тотъ самый, котораго сочиненiя издавались въ Парижѣ осенью 1832 г., опасно занемогъ и выѣхалъ для поправленiя здоровья въ Швейцарiю. Мицкевичъ бросилъ все и на другой же день, по полученiи печальнаго письма, полетѣлъ на соединенiе съ Гарчинскимъ. Они переѣзжали вдвоемъ изъ города въ городъ. Гарчинскій гасъ съ каждымъ днемъ и въ Авиньонѣ умеръ. Поэтъ воротился въ Парижъ, на ту же квартиру, и принялся вновь за „Тадеуша“ — около ноября 1833 г. „Стихи, лились, — по выраженiю Богдана Залѣскаго, — какъ растопленный металлъ — и по манiю чародѣя выливалось мгновенно что было нужно: монументъ, колоколъ, пушка“. Въ письмѣ отъ 13-го октября н. ст. 1833 г. Мицкевичъ увѣдомляетъ Одннца: „принялся за работу; пишу и пишу; пять пѣсень „Тадеуша“ окончили, остается еще три“.

Наступила зима. Друзья собирались у поэта довольно часто, толковали о томъ, о семъ, выслушивали написанное, пѣли польскiя, малороссiйскiя и бѣлорусскiя пѣсни. Иногда поэтъ рассказывалъ похождения юныхъ дней, въ Новогрудѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и этимъ захвачивалъ другихъ къ подобнымъ же влеченiямъ сердца. Просилъ, между прочимъ, сообщать все, что имъ извѣстно о жизни литовской шляхты, о тамошнихъ охотахъ, о чемъ придется, чтобы взять изъ этого, — что можно, — въ „Тадеуша“. Витвицкiй рассказывалъ кое-что о маточникахъ или крепяхъ Бѣловѣжской пушчи, даже сообщилъ написанные имъ объ этомъ нѣсколько десятковъ стиховъ. Мицкевичъ взял нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ и вставилъ въ свои „лѣса“. Кромѣ этого, по увѣренiю Богдана Залѣскаго, во всей поэмѣ нѣтъ ничего чужого, хоть и говорили, и писали, что Мицкевичъ, „съ царственнымъ равнодушиемъ“ позволялъ друзьямъ мѣшаться въ свое дѣло, по крайней мѣрѣ въ „Тадеушѣ“. Богданъ Залѣсскiй говоритъ, что „другъ ихъ, несмотря на мягкость своего характера, зналъ очень хорошо, что онъ — царь, Наполеонъ польскихъ поэтовъ, какъ его иные называли, — зналъ, что есть разница между его стихомъ и мазаньемъ другихъ — и никогда не допустилъ бы рѣзкаго посторонняго вмѣшательства въ его работу“.

„Тадеушъ“ подвигался къ концу.

Въ половинѣ февраля 1834 г. друзья, собравшись у поэта какъ-то вечеромъ, замѣтили, что онъ особенно шибко выплясываетъ перомъ по бумагѣ въ своемъ кабинетѣ, когда они, всей кучей, сидѣли въ гостиной. Спустя нѣкоторое время, поэтъ вышелъ къ нимъ: „*zobliszem panrzmiąłum, pmościennem*“¹⁾ какъ Войскiй, протрубивъ въ рогъ

¹⁾ «Съ лицомъ раскраснѣвшимся. пылающимъ». (IV-я пѣсня).

на всю Литву, и сказалъ: „Chwała Bogu, oto w séj chwili podpisalem pod „Panem Tadeuszem“ wielkie finis!“¹⁾ Всѣ повторили за него: „слава Богу!“ и воскликнули: „вивать!“ поздравляли поэта и обнимали.

На другой день всѣ отравились въ церковь св. Людовика Антенскаго (St. Louis d'Antin), отслушали тамъ обѣдню и просили затѣмъ поэта пойти съ ними отобѣдать въ Палерояль. Обѣдъ былъ довольно скромный, но тостовъ провозглашалось множество, разумѣется, преимущественно въ честь Адама и его новорожденнаго инфанта. На другой день былъ опять небольшой кутежъ. Послѣ этого Адамъ пригласилъ друзей ходить къ нему по вечерамъ, говоря, что „предстоятъ еще именины и крестины Тадеуша“. Онъ разубѣдилъ подъ этимъ предѣлку нѣкоторыхъ настоящихъ собственныхъ именъ поэмы на фантастическія, или неловко-придуманнхъ на лучшія. Друзья не заставили себя долго ждать. Поэту представлена была куча разныхъ вымышленныхъ именъ и фамилій и онъ взялъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ особенности прислужился этимъ Домейко, литвинъ того повлѣта, который изображался въ поэмѣ. Онъ сообщилъ, кромѣ того, множество анекдотовъ и рассказовъ изъ былого Литвы. Всѣмъ этимъ Мицкевичъ воспользовался по-своему. Потомъ „Наполеонъ польскій поэтотъ“ пожелалъ, чтобы ему указали всѣ замѣченныя кѣмъ-либо въ поэмѣ недостатки, какъ со стороны содержанія, такъ и внѣшней формы. Друзья сообщили ему свои замѣчанія въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ, кто что могъ. Поэтъ выслушивалъ все это съ перомъ въ рукѣ — и тутъ же производилъ перемѣны и казни. Больше всего досталось Телименѣ, на которую накидывался преимущественно Витвицкій. Многія сцены объ ней были выброшены. Кое-что Мицкевичъ даже замазалъ пальцомъ, окунувъ его въ чернила. Уничтожена, между прочимъ, „исторія съ ключикомъ, сообщеннымъ Тадеушу въ храмѣ Мечты“.²⁾ Пробѣлъ этотъ чувствуется. Когда друзья просили дать имъ списать уничтоженное, поэтъ никогда не соглашался, говоря, что „вырванный изъ пшеницы еуколь долженъ быть въ самомъ дѣлѣ вырванъ и заброшенъ“. Кто-то замѣтилъ ему, что въ спорахъ и ссорахъ шляхты есть многое, что нужно бы выбросить или измѣнить, Мицкевичъ подчеркнулъ указанныя ему мѣста, но не вымаралъ ихъ. „Я понимаю, чего ты хочешь, — сказалъ онъ сообщившему эти замѣчанія: — слышу вашъ голосъ съ высей Таранны,³⁾ но не только тутъ вездѣ надо бы поднять поэму на полтона выше, да этого скоро

1) «Слава Богу, сейчасъ подписалъ подъ «Паномъ Тадеушемъ» великій финис».

2) Конецъ III-й пѣсни.

3) Taranne et Vaubane — тогдашнія политическія «горы» польской эмиграціи.

не сдѣлаешь. Дверь хлопнула. Поправлюсь можетъ быть послѣ, въ другой повѣсти,— въ сынѣ Тадеуша; не то, всего скорѣе, въ продолженіи „Дзядовъ“.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о выходѣ „Пана Тадеуша“ въ свѣтъ.

Когда еще поэма писалась, львовскій книгопродавецъ, Милковскій, просилъ убѣдительно Мицкевича уступить ему право печатанія ея за двѣ тысячи франковъ. Ксендзь Александръ Еловицкій, узнавъ объ этомъ, предложилъ Мицкевичу четыре тысячи франковъ — и печатаніе началось. Мицкевичъ самъ держалъ корректуру. Въ апрѣлѣ 1834 г. былъ отпечатанъ I-й томъ; въ концѣ іюня, или въ самомъ началѣ іюля по н. ст. вышелъ изъ типографіи послѣдній листъ „Тадеуша“.

Это изданіе Богданъ Залѣвскій считаетъ наиболѣе точнымъ, долженствующимъ служить за образецъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій поэмы.

Наиболѣе вѣрная, честная и рѣшительная оцѣнка „Тадеуша“ сдѣлана самимъ поэтомъ, въ письмѣ къ Одынцу въ февралѣ 1834 г.: „вчера кончилъ; вышло огромныхъ двѣнадцать пѣсенъ. Много посредственнаго, но есть и хорошія вещи. Лучшее — картины, писанныя съ природы.“

Н. В. Варгъ.

Варшава.

